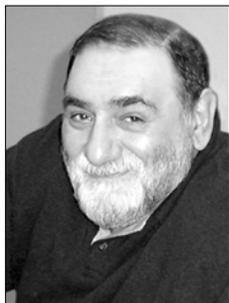

✦ В порядке дискуссии

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

К.Х. МОМДЖЯН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДМЕТА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Автор считает предметом социальной философии системный анализ социальной реальности, рассмотренной в единстве ее сущности и существования. Поскольку социальная реальность относится к целостностям органического типа, ее системный

анализ требует специальной методологии – субстанциального подхода, принципы которого рассматриваются автором.

The author proves that a subject of social philosophy is the system analysis of the social reality considered in the unity of its essence and existence. As the social reality represents integrity of organic type, its system analysis demands special methodology – the substantive approach considered by the author.

Ключевые слова: социальная реальность, система, целостность, структура, функция, субстрат, динамика, субстанция, деятельность, информация, самоцельный.

Keywords: social reality, system, integrity, structure, function, substratum, dynamics, substance, social activity, information, end in itself.

Всем известно, что мир людей изучает не только социальная философия, но и множество общественных и гуманитарных наук, их интересуют отдельные фрагменты этого мира. В отличие от таких специальных наук мою дисциплину интересуют не отдельные части социальной реальности, а мир людей, понятый как единое, целостное образование.

Нужно сказать, что многие обществоведы и гуманитарии не всегда понимают, что такое «целостный взгляд на социальную реальность». Некоторые считают, что «целостного взгляда» на социальный мир можно добиться без всякой философии, «приплюсовав» данные экономической науки к данным политологии, искусствоведения, религиоведения и пр., как это делали, к примеру, Брокгауз и Эфрон или авторы «Советской энциклопедии». Любое другое несуммативное понимание целостности воспринимается как претенциозное пустословие, не имеющие никакого положительного значения для науки.

Момдджян Карен Хачикович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: karm48@mail.ru.

Так ли это? Что представляет собой целостный взгляд на социальную реальность, каково его конкретное проблемное наполнение? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего понять, что представляют собой *система и системность*, так как целостный взгляд на социальность есть взгляд на нее как на систему высшего органического типа.

Система и системность

Системой я буду называть любое явление (будь-то объект, процесс, набор свойств или состояний), обладающее тремя необходимыми признаками. Первым из этих признаков является *гетерогенное*, а не *гомогенное* строение. Говоря проще, система всегда состоит из организационно выделенных, отличимых друг от друга *частей*. Действует простое правило: «нет частей – нет системы». Нужно лишь учесть, что части должны сохранять качественную специфику системы, принадлежностью которой они являются. То есть, если речь идет о *живой* системе, то она должна состоять из *живых* частей, а не только из неживых атомов и молекул, имеющих качественно иную природу.

Наличие частей является необходимым, но недостаточным признаком системы. Второй из признаков, без которых системы не бывает, – это наличие *связи* между образующими ее частями. Связью мы будем называть *согласованность изменений*, в результате которой трансформация свойств и состояний одного явления каким-то образом влияет на свойства и состояния другого, связанного с ним. При этом важно отличать связи от *отношений*, в основе которых лежат сходства и различия между явлениями, не обязательно связанными между собой. Это различие, а также различие между разными типами отношений (номинальными и реальными, ролевыми и статусными) имеет большое значение для социальной философии, которое не может быть предметом рассмотрения в данной статье.

Итак, вторым необходимым признаком системы является наличие связи или взаимовлияния между ее частями, а также корреляция между свойствами и состояниями отдельных частей и свойствами и состояниями системы, взятой в целом (в результате которой царапина на одной двери автомобиля снижает его общую стоимость).

Отсутствие связей не позволяет нам считать системой объект, имеющий лишь первый из ее признаков, то есть состоящий из частей, не связанных между собой. Такие объекты называют *конstellациями* или совокупностями. П.А. Сорокин считал, что в их основе лежит особый досистемный тип интеграции, который он называл «косвенная ассоциация, вызванная действием внешнего интегрирующего фактора». Таким фактором может быть, к примеру, суровый климат, который обуславливает сходство не связанных между собой социальных и культурных явлений, включая сюда морозоустойчивые дома, средства передвижения по снегу, специфические формы зимних развлечений и т.д.

Признав связи частей необходимым свойством системы, мы все же не исчерпываем всех ее необходимых признаков. Условием существования системы является не просто связь частей, а особый тип связи. Теоретически все в нашем мире связано между собой, но это не значит, что мир тотально системен. Отсюда третий необходимый признак системного объекта: существующие в нем связи должны быть *сильными*.

«Сильными» мы будем называть связи, в результате которых возникают особые *интегральные* свойства, которые присущи именно системе и отсутствуют у ее час-

тей, взятых по отдельности. В результате сильных связей возникает взаимная несводимость свойств системного целого и образующих его частей.

К примеру, вода, состоящая из водорода и кислорода, обладает интегральным свойством гасить огонь, которое отсутствует у образующих ее элементов – водорода и кислорода.

Замечу, что новые интегральные свойства возникают не только у системы, но и у частей, вовлеченных в поле внутрисистемной интеграции. К примеру, характеризуя футболиста Аршавина, мы не ограничиваемся перечислением присущих ему индивидуальных качеств (быстрота бега, выносливость, поставленный дриблинг и пр.), но обязательно упоминаем о его игровом амплуа – свойстве быть нападающим, а не защитником, полузащитником или вратарем. В отличие от индивидуальных качеств, это свойство – суть ролевая надындивидуальная характеристика, источником которых является не сам футболист, а системная организация игры. Не удивительно, что в подавляющем большинстве случаев тренеры подбирают футболистов под амплуа, а не создают амплуа для отдельных футболистов (хотя и такой вариант может иметь место в случае с гениальными игроками).

Итак, характеризуя систему, мы можем согласиться с утверждением гештальтпсихологов, считающих, что «система – это целое, которое *больше* суммы своих частей», больше на те самые интегральные свойства, которые являются достоянием целого.

Определив феномен системности, мы можем перейти к вопросу о принципах системного анализа социума, осуществляемого социальной философией на всех уровнях рассмотрения своего объекта. Принципиально важно отличать *аспекты* системного анализа, о которых речь пойдет ниже, от *уровней* рассмотрения социальной реальности, о которых мы говорили в предыдущей статье. Аспекты *инвариантны* уровням, то есть последовательность системного взгляда на объект не меняется в зависимости от того, идет ли речь о рассмотрении абстрактно-логической *сущности* социального, его *существования* или его *действительности*. Ниже мы увидим, что и социум, и общество, и история – каждый в свою очередь – становятся объектами системного рассмотрения, использующего одни и те же правила и приемы.

Аспекты системного анализа социальной реальности

Этот анализ осуществляется в трех взаимосвязанных аспектах: *структурно-функциональном, интегративном и динамическом*. Отличие между этими подходами и связь между ними мы поясним на менее сложном, чем общество, системном объекте.

Возьмем, к примеру, механические часы, которые обладают всеми признаками системного объекта. Они имеют гетерогенное строение, т.е. состоят из частей (деталей), несомненно, связанных между собой так, что в результате этой связи возникает интегральное свойство – способность показывать время, которое присущее часам как целому, а не отдельным деталям, из которых они состоят.

Какова же будет последовательность наших действий, если мы заинтересуемся устройством часов? Очевидно, что исчерпав возможности внешнего наблюдения, мы должны будем вооружиться отверткой и разобрать часовой механизм на детали, из которых он состоит. Мы попробуем описать и классифицировать эти детали, и как-то отличить их друг от друга. Это отличие будет связано не столько с цветом или формой деталей, сколько с их *функцией*, которая определяет сущность интересую-

щих нас частей. Всякий раз нам придется задаваться вопросом: «Зачем эта часть нужна, каково ее возможное назначение?»

Все описанные процедуры относятся к *структурному* или, точнее, *структурно-функциональному* аспекту анализа, с которого начинается исследование любой и каждой системы. Не является исключением и социальная реальность, хотя в этом случае у нас отсутствует отвертка, с помощью которой мы могли бы разобрать такой объект на части. Придется использовать метод изолирующей абстракции, помня при этом, что социум (в отличие от часов) относится к высшему из существующих типу системной целостности — *органическому*.

Подробнее этот тип будет рассмотрен нами ниже. Предварительно заметим, что структурный анализ органических систем предполагает различие частей, *неотделимых* друг от друга, неспособных существовать до системы, вне системы и независимо друг от друга. Это значит, к примеру, что субъекты и объекты (на уровне социума) или экономика, политика и культура (на уровне общества) онтологически *взаимоположены*; мало того, они способны к композиционному пересечению, т.е. способны проникать друг в друга, создавая «кентаврические» структуры типа «экономической политики», «политической культуры» и т.д.

Очевидно, что органический тип целостности усложняет задачу структурного анализа настолько, что сторонники философско-социологического *холизма* считают структурный анализ социальной реальности невозможным, ошибочно принимая *неразделимость* ее частей за их *неразличимость*. В действительности такой анализ вполне возможен, но при условии, что исследователь знает правила, которым подчиняется структурное рассмотрение систем органического типа. К их числу относится, прежде всего, правило, которое я в дидактических целях называю «правилом апельсина».

В самом деле, всякий человек, вознамерившийся съесть апельсин, начинает с того, что освобождает его от корки, которую в сыром виде никто не ест. Тем самым мы негласно признаем, что в апельсине, независимо от нашего желания, существуют разные, не нами созданные части. Конечно, каждый из нас может взять в руки нож и нарезать апельсин потолще или потоньше. Но в результате этого мы получим не *части*, а всего лишь *куски*, качественно отличные от частей, которые создала сама природа.

Точно также и в социальной реальности (на каждом из уровней ее рассмотрения) существуют объективно различные части, которые исследователь обязан искать, а не создавать произвольно. Конечно, общественную жизнь — как и апельсин — можно поделить по своему усмотрению: «нарезать» ее на любое количество «кусков» (скажем, мы можем разделить современное российское общество на «голубоглазых» и «всех остальных»). Ясно, однако, что такое произвольное членение, которое основано на номинальных сходствах и различиях между людьми, не имеет никакого эвристического значения, в отличие от структурного анализа, учитывающего объективно выделенные части социальной реальности.

Еще одно важное правило структурного анализа общества — правило структурной иерархии. Оно учитывает объективно сложившиеся различия между качественно отличными частями социальной реальности — ее *подсистемами*, *компонентами* и *элементами*.

Подсистемами мы будем называть самые большие из относительно самостоятельных частей системы, имеющих сложное разветвленное строение. Элементами —

самые маленькие из частей, сохраняющих существенные свойства целого, определяющие его качественную специфику. Наконец, *компонентами* мы будем называть части, занимающими промежуточное положение между подсистемами и элементами. Согласно правилу структурной иерархии система состоит из подсистем, подсистемы состоят из компонентов (более или менее дробных), а самые простые из компонентов состоят из элементов – простейших «кирпичиков», которые далее не делятся без утраты общесистемного качества.

Иллюстрацией сказанного может служить человеческий организм, который состоит из функционально различных подсистем, в роли которых выступают центральная нервная, дыхательная, пищеварительная, мускульно-опорная, мочеполовая и прочие подсистемы. Подсистемы, в свою очередь, состоят из компонентов, например, дыхательная подсистема включает в себя легкие, бронхи, дыхательное горло и прочие органы, которые делятся далее вплоть до клеток, представляющих собой «элементарное бытие целого», и образующих клетку элементов (деление которых приводит нас к молекулам и атомам, то есть выводит за субстанциальные рамки жизни).

Еще сложнее выглядит структура социальной реальности, о чем наглядно свидетельствует тот факт, что многие ученые путаются в структурной классификации ее частей на каждом из уровней ее рассмотрения (социум, общество, история). Даже элементарное, казалось бы, различие субъекта и объекта вызывает затруднения и ошибки (когда, к примеру, к разряду субъектов относят безличные институты, а объектами считают менее активную сторону социального взаимодействия, скажем, людей, на которых оказывается педагогическое или дисциплинарное воздействие со стороны преподавателя или начальника).

Наибольшие сложности возникают при структурном анализе общества, поскольку до сих пор отсутствует единство мнений по вопросу о наборе образующих его подсистем. Разные ученые используют разные принципы их выделения (деятельностный, организационный, субъектный) и нередко принимают за подсистемы то, что в действительности является лишь компонентами социальной системы. До сих пор существуют неустранимые (и совершенно нетерпимые!) разногласия в вопросе о структурном статусе экономики или культуры, возможности считать их подсистемами общества или его компонентами, составляющими «сквозную инфраструктуру» хозяйственной, организационно-политической, социальной и духовной подсистем.

Итак, анализ системы начинается с ее структурно-функционального рассмотрения. Необходимо временно «умертвить» целостность системного объекта, чтобы понять «тайну» его гармонии, чтобы ни думали на этот счет сторонники социологического холизма. За отсутствием содержательных аргументов многие отечественные холлисты используют литературные образы, в частности, любят цитировать Пушкина с его уничижительной характеристикой Сальери, «разъявшего музыку, как труп», «поверившего алгеброй гармонию» и пр. Однако при всем уважении к великому русскому поэту спросим себя: «А можно ли избежать подобных процедур, даже если речь идет о утонченной музыкальной гармонии?» Конечно, наслаждаясь музыкой, среднестатистический любитель не задумывается о законах ее строения. Но как подготовить следующее поколение композиторов, не обучая их законам контрапункта, структурирующим симфонию? Или следующее поколение врачей, без посещения ими анатомического театра, где покойников буквально, а не фигурально «разнимают на части»?

На примере медицины мы можем видеть, что структурно-функциональный анализ организма настолько сложен, что его выделяют в относительно самостоятельную науку – анатомию. Почти также же поступал родоначальник научной социологии Огюст Конт, считавший «социальную статику» самостоятельной частью создававшейся им науки. И в то же время Конт прекрасно понимал, что необходимый структурный подход недостаточен для понимания социальной системы и должен быть дополнен другими исследовательскими процедурами – точно также, как анатомия должна быть дополнена физиологией и генетикой.

Вернемся снова к примеру с часами. Ясно, что разобрав их на «винтики», мы не поймем устройство механизма, пока не соберем его вновь, чтобы понять как связаны между собой отдельные детали, какого рода зависимости существуют между ними. Имеют ли эти зависимости *субординационный* характер, когда одна из частей целого оказывается «главнее» других, подчиняя их своему влиянию (как это происходит в человеческом организме, в котором нормальная работа ног невозможна без головного мозга и зависит от него больше, чем работа мозга зависит от существования и исправного функционирования конечностей)? Или же зависимости частей имеют *координационный* характер, когда они равноправны и влияют друг на друга в одинаковой степени?

Эти и подобные проблемы относятся ко второму, *интегративному* аспекту анализа системы, который как бы «воскрешает» системную целостность, «умертвленную» структурным расчленением. Именно такова задача физиологии, которая «оживляет» анатомическую картину тела, акцентируя свое внимание на согласованной работе функциональных подсистем и образующих их органов.

Та же задача должна решаться и в отношении социальной реальности, на каждом из уровней ее рассмотрения. Анализируя абстрактно-логическую сущность социального, нам предстоит не только отличать субъекта от объекта, потребности от интересов, мотивы от целей, средства деятельности от ее результатов, но и понять, как они связаны друг с другом, каковы векторы их взаимовлияния. Точно также, изучая общество как организационную форму социальности, мы должны будем понять, как влияют друг на друга ключевые подсистемы общества – хозяйственная, организационно-политическая, социальная и духовная сферы. Нас будет интересовать, как связаны между собой экономика и культура, право и мораль, наука и религия и т.д. Решение этих проблем, как известно, делит специалистов на два лагеря: сторонников *монизма*, считающих, что на каждом уровне социальной системы есть главная и определяющая детерминанта, и сторонников *плюрализма*, считающих, к примеру, что экономика влияет на политику, религию, искусство не в большей мере, чем все они влияют на экономику и друг на друга.

Нам осталось указать на третий из аспектов анализа – *динамический*, который акцентирует свое внимание на причинах, механизмах и формах развития системы. Продемонстрировать суть такого подхода на примере с часами нам уже не удастся, так как каждый отдельный часовой механизм не относится к разряду *саморазвивающихся* систем. Увы, мы не можем ожидать, что обычная штамповка путем саморазвития превратится в «Ролекс». Отдельные часы (в отличие от принципов их устройства) не развиваются, единственный доступный им вид изменения – это порча, выход из строя.

Поэтому динамический анализ применим лишь к системам, способным к саморазвитию – как это происходит с человеком, рождающимся, взрослеющим, старею-

щим и умирающим; или обществом, меняющим свои характеристики в диапазоне от России Бориса Годунова до России Бориса Ельцина. Чем вызываются такие трансформации, каковы их этапы и фазы, каков их характер, улучшают ли они состояние системы или ухудшают его? Именно эти и подобные вопросы находятся в компетенции динамического анализа системных объектов.

Динамическая проблематика (как и проблемы структурного и интегративного подходов) возникает на каждом из уровней рассмотрения социального объекта. К примеру, анализируя деятельность как субстанцию социального, мы должны задаться вопросом о существовании объективных *причин*, заставляющих людей интенсифицировать свою активность, и обсудить возможность считать такой причиной «закон возвышения человеческих потребностей». Точно также, анализируя динамику общества, нужно отследить *механизмы* их изменения (таковым марксисты считают «закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил», а последователи П.А. Сорокина — «закон ограниченных возможностей социокультурного изменения»). Следует рассмотреть вопрос о *формах* изменения обществ, отличить революцию от эволюции, революцию от реформы, «революцию сверху» от «революции снизу», *процессы* революционного изменения экономики или науки от системы целенаправленных *действий*, составляющих суть политической революции и др. Нужно обсудить вопрос о *направленности* общественного развития, рассмотреть гипотезу общественного прогресса, отличить поступательное развитие в рамках *отдельных сфер общества* (там, где оно возможно) от прогресса *общества, взятого в целом*, позволяющего сравнивать как более или менее совершенные целые страны и народы.

Итак, мы перечислили три аспекта системного анализа, каждый из которых в полной мере используется социальной философией. Однако уже упоминавшаяся сложность объекта, обладающего органическим типом целостности, заставляет нас дополнять общие правила структурного, интегративного и динамического анализа социальной реальности набором специфических процедур, присущих *субстанциальному подходу* как наиболее сложной разновидности системного анализа.

Необходимость такого дополнения очевидна, хотя она и не выводит нас за рамки системного подхода к обществу, как в этом убеждены некоторые ученые. К примеру, известный теоретик П. Штомпка характеризует рассмотренные нами процедуры — автономное рассмотрение структур, функций и процессов изменения — как следствие «органической метафоры», характеризовавшей социальную теорию «с момента возникновения и вплоть до недавнего времени».

Штомпка считает, что ответственность за этот подход, согласно которому «существует некое устойчивое состояние общества, которое можно наблюдать и анализировать независимо от движения последнего», лежит на «отце социологии» Огюсте Конте. «Герберт Спенсер, — пишет Штомпка, — придерживался тех же взглядов, хотя и изменил терминологию. Его противопоставление “структуры” и “функций” более ста лет составляло сердцевину социологического языка... Подобно Конту, Г. Спенсер также утверждал, что общество можно рассматривать как некую жесткую сущность, осязаемый объект, отдельно от происходящих в нем процессов» [4, 19]. «Подобные подходы, — продолжает автор, — оказали серьезное влияние на современное (диахроническое) изучение социальных изменений. Оно унаследовало классическую органическую метафору и связанные с ней разделение и противопоставление,

но не непосредственно от Конта, Спенсера и других мэтров социологии XIX в., а через влиятельные направления XX в., такие, как теория систем, функционализм или структурный функционализм... Системная модель общества, разработанная в рамках данного направления, объединила и обобщила совокупность идей, типичных для органицизма. Весь концептуальный аппарат, обычно используемый в анализе изменений, берется прежде всего из системной модели, даже если ученые и не осознают этого или не считают себя сторонниками системных и структурно-функционалистских теорий» [4, 20]. Лишь недавно, полагает Штомпка, «системной модели» был противопоставлен «альтернативный образ» общества, рассматриваемого с точки зрения процесса, или морфогенетического подхода, вследствие чего концепции, использовавшиеся в исследованиях социальных изменений подверглись соответствующей модификации» [4, 20].

Комментируя эти объемные цитаты, я постараюсь показать, что «морфогенетический подход», «полевая концепция общества» и другие подобные теоретические конструкции отнюдь не являются исследовательской альтернативой системного подхода, а лишь конкретизируют его применительно к особо сложному типу органических систем, нуждающихся в субстанциальном рассмотрении.

Что такое субстанция?

Уже отмечалось, что в системах органического типа части не существуют как изначальная досистемная данность, а создаются целым в процессе своего саморазвития. Это обстоятельство ставит перед социальной философией множество сложнейших вопросов, от которых свободно нефилософское обществознание.

Мало того, что экономическая наука, политология или религиоведение могут изучать интересующие их подсистемы общества, не задаваясь вопросом о субординационной или координационной связи между ними. Нередко толковый экономист не в состоянии дать точный ответ на совсем «простой» вопрос: *а что такое экономика*, чем она отличается, к примеру, от хозяйства или политики? Точно также талантливый искусствовед, прекрасно понимающий отличия импрессионизма от экспрессионизма, не всегда в состоянии ответить на вопрос: *а что такое искусство* и что отличает его, к примеру, от обычного аттракциона (нередко выдаваемого за искусство)?

Все это свидетельствует не об умственной ограниченности исследователей, а всего лишь о специфике решаемых ими задач. И экономисты, и политологи, и искусствоведы рассматривают свои сферы имманентно, «изнутри», не задаваясь вопросом о том, почему существуют и как возникают эти сферы, какими потребностями социального целого порождена их институционализация. Кто-то правильно сказал: нельзя идентифицировать отдельно взятую звезду, пока не виден весь участок звездного неба, на котором она расположена. По аналогии, чтобы идентифицировать части органического целого, нужно знать, что оно представляет собой, почему и как оно развивается, создавая множество своих формообразований и специфические связи между ними.

На все эти вопросы обязана ответить социальная философия, и она сумеет это сделать, если будет использовать особые правила субстанциального подхода к социуму, решающего две взаимосвязанные задачи. Первая, онтологическая, заключается в том, чтобы понять социальную реальность как *самопорождающееся единство многообразного*. Вторая, дидактическая — изложить полученные знания в строгой логической последовательности, избегая повторов и неоправданных «забеганий вперед».

Начнем с определения самого понятия «субстанция». Увы, до сих пор бытует точка зрения, согласно которой эта категория (вместе с сопряженными с ней понятиями «модус», «атрибут», «акциденция») имеет сугубо архивное значение, интересна лишь историкам философской мысли, но не практикующим философам. Некоторые философы рассматривают понятие субстанции как «устаревший аналог» понятий «материя», «сущность», «причина» или же как синоним категории «субстрат» (именно это отождествление субстанции и субстрата, восходящее к средневековой алхимии, нередко встречается в современной философской литературе).

В своих предыдущих работах [3; 2] я стремился подчеркнуть, что понятие субстанции является вполне самостоятельной, ничем не заменимой философской категорией. Родовым для нее является понятие *качества*: мы можем утверждать, что всякая субстанция есть качество, но далеко не каждое качество субстанциально. Таковым может считаться лишь *самоцельное* качество, способное к *самопорождению, самоподдержанию и саморазвитию*.

Субстанциальность, по сути дела, это способ существования систем с органическим типом целостности, обладающих автономией возникновения, строения, функционирования и развития. Именно эта специфика подчеркнута в классических определениях субстанции, принадлежащих Спинозе и Гегелю. Как известно, Бенедикт Спиноза понимал субстанцию как *самопорождающееся качество, causa sui* («причину самого себя»). Гегель, со своей стороны, трактовал субстанцию как единство многообразного, такую «целостность акциденций, в которых она открывается как их абсолютная отрицательность» [1, 252]. Определение Спинозы акцентирует *генетический* аспект субстанциальности, в то время как приведенная гегелевская мысль акцентирует ее *структурный* аспект, органически связанный с генетическим. Попробуем кратко раскрыть суть приведенных характеристик.

Как уже упоминалось выше, все системные объекты делятся на два типа, которые Гегель называл *низшим* («химизм») и *высшим* («организм»). Они характеризуются наличием интегральных системных свойств, отличаясь механизмами связи частей и целого. В системах химического типа части предшествуют целому, а также могут существовать вне него и независимо друг от друга. Так, водород и кислород, соединение которых создает воду, возникают до нее, могут существовать автономно, не объединяясь между собой.

В системах органического типа целое онтологически первично в отношении своих частей. В некоторых случаях эта первичность имеет чисто *логический*, а не *исторический* характер (понимая под логикой не принципы человеческого мышления, а объективно-необходимую связь и последовательность событий, т.н. «логику вещей», а не «логику понятий»).

К примеру, живая клетка не представима без образующих ее частей – плазматической мембраны и протопласта, включающего в себя цитоплазму, различные органоиды, клеточные включения, молекулы ДНК. Тем не менее, мы констатируем первичность целого перед частями, которая проявляется в том, что именно целое, его интегральные свойства определяют объективный смысл существования (функциональный статус) частей, а не наоборот. Потребности целого обуславливают как способ интегративной взаимосвязи частей, так и сам факт их структурно-функционального обособления. Все это зависит от способа существования системы в целом, имеющего уже не функциональный, а спонтанно-самодостаточный, т.е. субстанциальный характер.

В других случаях первичность целого перед частями имеет не только логический, но и *исторический* характер, когда целое хронологически предшествует своим частям, создает их в процессе саморазвития «из себя» и «для себя». К примеру, в начальный период существования у человеческого эмбриона еще отсутствуют многие части тела, присущие «готовому» человеку — головной мозг, сердце, верхние и нижние конечности и т.д. Организм (целое) сам строит необходимые ему органы, сам структурирует себя, подчиняясь заложенной в нем генетической программе.

В любом случае части органического целого не могут существовать до него и независимо от него (как это происходит в системах химического типа); между частями, а также между частями и целым существуют уже упоминавшиеся *отношения взаимоположенности*. Во многих случаях органической целостности отношения взаимоположенности способны переходить в отношения композиционного взаимопересечения (как это происходит, к примеру, с субъектом и объектом в ситуации, когда субъект становится объектом собственных усилий или опредмечивает свои свойства в объекте, или в уже упоминавшемся композиционном взаимопроникновении экономики, политики и культуры).

Субстанцией, таким образом, называют начало, которое порождает в процессе своего саморазвития все многообразие своих модусов, атрибутов, акциденций или, говоря более современным языком, частей, свойств, состояний и видов. Субстанция выступает как тот «общий знаменатель», к которому сводятся все ее формообразования. Подобно углероду, который «прячется» за внешне противоположными алмазом и графитом, субстанция есть реальное единство своих формообразований, синтез сущности и явлений, содержания и формы, относительно которого «всякое содержание есть лишь момент, который принадлежит только этому процессу, есть абсолютное превращение друг в друга формы и содержания» [1, 253].

Именно так, как «единство многообразного», которое порождает, поддерживает и диверсифицирует всю совокупность своих проявлений, понимают субстанцию многие современные философы. При этом некоторые считают, что эта категория может применяться лишь для характеристики мира, взятого в целом — единственной из реально существующих субстанциальных систем. Все, что является *частью* мира, включая органическую и надорганическую реальность, рассматривается в качестве несамостоятельных формообразований (модусов и атрибутов) одной-единственной субстанции.

Как может видеть читатель, я возражаю против такого излишне строгого понимания субстанции. Убежден, что мера автономии подсистем окружающего и охватывающего нас мира является достаточной для того, чтобы мы могли говорить, к примеру, об особой субстанции биологических или социальных процессов, не сводя их к предельно абстрактным понятиям материи или духа.

С другой стороны, я не согласен со специалистами, которые считают возможным использовать категорию субстанции для характеристики не только отдельных подсистем мира, но и несамодостаточных формообразований внутри этих подсистем. К примеру, термин «субстанция» используется для характеристики организационных аспектов экономики, когда стоимость называют субстанцией товарных тел, к которой сводится все их видимое многообразие. Такой подход, по моему мнению, абсолютизирует структурный аспект субстанциальности, оставляя в стороне ее генетический аспект, а именно — способность к самопорождению. Конечно, стоимость

имеет свою субстанциальную определенность, но она не есть субстанция, так как не способна к *самопорождению*, будучи производным продуктом другой, подлинной субстанции — деятельности человека.

Что же означает необходимая для субстанции способность к самопорождению? Как известно, в философской схоластике принцип *causa sui* означал несотворенность, безусловное и беспредпосылочное, вечное и бесконечное существование Бога. Мы же говорим о субстанциальности хронологически дискретных систем, имеющих свое начало и свой вероятный конец, что, естественно, меняет смысл интересующего нас принципа.

Прежде всего, мы не должны путать самопорождение с *самозарождением*. Нужно понять, что способность самопорождения касается лишь *ставшего*, а не *становящегося* качества. Эта способность не означает, что у становящейся субстанциальной системы (будь-то возникающая жизнь или формирующийся социум) отсутствуют всякие внешние, качественно отличные от нее самой причины возникновения.

К примеру, рассматривая деятельность как субстанцию социальной жизни, я не собираюсь утверждать, что она существовала вечно или произошла неким мистическим образом «сама из себя». Для меня очевидно, что деятельность как способ существования человека возникла в процессе эволюционного изменения живой природы. Точно также живое возникло из неживого (хотя сторонники витализма отрицают такую возможность, сравнивая вероятность возникновения жизни из неживых органических молекул с вероятностью самосборки Боинга на городской свалке). Как бы то ни было, становление субстанциального качества предполагает не отсутствие внешних причин вообще, а всего лишь отсутствие *целевых* причин возникновения, замысла создания (на манер человеческого замысла создать уют, предшествующего самому уюту).

Соответственно, принцип *causa sui* означает не самозарождение, а всего лишь *генетическую автономию* уже ставших субстанциальных систем, в отношении которых действует правило: «подобное порождает подобное и порождается подобным». Самопорождение здесь выступает как самовоспроизводство, в ходе которого сформировавшиеся люди, например, порождаются только людьми, а не какими-то факторами иной субстанциальной принадлежности.

Способность к самопорождению субстанциальных объектов органически связана со способностью к *самоподдержанию*, в соответствии с которым субстанция существует по собственным, присущим только ей законам, качественно отличным от законов окружающей ее среды. Чтобы ни думали на этот счет сторонники *редукционизма*, мы никогда не поймем, что такое жизнь, если будем пытаться объяснить ее физико-химическими свойствами, присущими объектам неживой природы. Точно также мы не сумеем понять, что такое социум, если будем рассматривать его как биологический процесс, всецело объяснимый действием законов живой природы.

Помимо самоподдержания субстанциальным системам присуще *самодвижение* и *саморазвитие*, которое осуществляется в результате действия имманентных причин, а не экстерналичного воздействия со стороны внешних сил. Футбольный мяч приходит в движение потому, что подвергается внешнему воздействию со стороны ноги футболиста. Живые организмы, напротив, взрослеют и старятся независимо от внешних воздействий, которые не могут остановить этот внутренне запрограммированный процесс (хотя могут в некоторой степени замедлять или ускорять его).

Теперь самое главное. Я убежден в том, что и самопорождение, и самоподдержание, и саморазвитие субстанциальных систем является следствием их *самоцельности*, которую я рассматриваю как исходную характеристику субстанциального существования. Тот факт, что субстанциальная система создает свои части «из себя и для себя» свидетельствует об информационной предзаданности этого процесса, наличии некоторого «плана» самосозидания (независимо от того, осмыслен ли этот план или нет, как это имеет место в случае с генетическими программами саморазвития живых организмов).

Таким образом субстанциальные системы я рассматриваю как одну из разновидностей *информационных* систем. Хорошо известно, что все объекты, существующие в нашем мире, делятся на два качественно отличных типа – *неинформационные*, существующие «бесцельно» и *информационные*, существование которых определяется некоторой целью.

Под *информацией* я понимаю совокупность сообщений, с помощью которых живые (а позднее, кибернетические) объекты ориентируются в среде существования, оценивают ее воздействия и программируют ответные реакции на них. Напомню, что каждое сообщение представляет собой единство *сигнала*, предупреждающего о возможном наступлении поведенчески значимых следствий, и *субстратного* импульса, с помощью которого этот сигнал достигает реципиента.

Под *целью* (в широком значении этой категории) я понимаю информационный сигнал, который предпослан физическому действию, вызывает его и ориентирует в предзаданном направлении. Не конкретизируя эти абстрактные определения, мы можем пока руководствоваться интуитивно ясным аристотелевским пониманием цели как «того, ради чего существует нечто». Такого понимания достаточно, чтобы мы отнесли к разряду *неинформационных* объекты, существующие «почему-то», но не «зачем-то».

Нетрудно видеть, что существенные свойства подобных объектов всецело определяются свойствами вещества, из которого они состоят. Никаких других свойств, отличных от свойств образующего объекты материала, они не имеют. В отношении таких объектов действует простое правило: *вещь есть то, из чего она состоит*.

Попытка использовать подобный объект для достижения некоторых целей немедленно переводит его из категории *неинформационных* объектов в категорию объектов *информационных*, существенные свойства которых не сводятся больше к свойствам образующего их вещества. Последние никуда не исчезают, составляя *субстратную* характеристику объекта, однако возникают новые несубстратные свойства, которые становятся существенными для *информационных* объектов.

Характер этих свойств определяется типом целей, носителями которых становятся *информационные* объекты. Цели эти могут быть *внешними* или *внутренними*, в соответствии с чем эти объекты делятся на два типа: *функциональные* и *субстанциальные*, отличающиеся друг от друга способом своего существования.

Существенные свойства первых обуславливаются их функцией, которую Э. Дюркгейм определял как «соотношение между бытием объекта и его назначением». Последнее задается внешним информационным вектором, а именно целью, средством достижения которой объект служит. В отношении функциональных объектов действует правило: *вещь есть то, что она делает*, а вовсе не *то, из чего она сделана или состоит*. Какой бы материал (из пригодных в принципе) ни был исполь-

зван для их производства, стулом будет то, на чем сидят, независимо от того, сделан ли этот стул из дерева, металла или пластика. Именно функция определяет субстрат, пригодный для ее исполнения, а не наоборот.

Что же представляют собой субстанциальные объекты, и чем они отличаются от объектов функциональных? Ответ очевиден. Функционировать — это значит служить *несобственной* цели, внешней по отношению к исполняющему ее органу. Что же касается субстанциальных явлений, то они осуществляют собственные цели, а это значит, что они не функционируют (точнее, не только функционируют), а *живут*.

Именно так я буду понимать субстанциальность — как способ существования *живых* систем. Я отчетливо понимаю, что такая адресная привязка выходит за рамки многих трактовок субстанции. К примеру, она противоречит традиции диалектического материализма, который приписывает свойства субстанции изначально неживой материи, порождающей в процессе своего саморазвития все многообразие окружающих нас явлений. Возможно, такое порождение действительно имело место, однако у неживой материи, по моему убеждению, отсутствуют *собственные целевые векторы развития*. Оно не является информационно направленным и потому субстанциальным. Это не исключает целостности и всеобщности мира, так как отрицается лишь информационная предзаданность его развития, которую я считаю неотъемлемым признаком субстанциального существования. В этом плане мы сможем говорить об изначальной субстанциальности мира лишь в том случае, если убедимся в существовании информационного начала в развитии Вселенной (в которое верят сторонники философского идеализма, не будучи в состоянии доказать этот тезис так, чтобы он стал рабочей гипотезой для социальной философии).

Итак, субстанциальные системы по определению — суть живые системы. В самом деле, что такое жизнь? Широко известно определение жизни как способа существования белковых тел. Мы видим, что это определение связывает жизнь с ее субстратной основой, не говоря ничего о том, какой именно способ существования имеется в виду. Если в будущем выяснится, что жизнь возможна и на небелковой основе, это определение превратится в бессодержательную, ничего не значащую фразу.

В действительности жизнь, охарактеризованная с самой общей точки зрения, есть ни что иное как *способ самоцельного существования в среде*, присущий именно тем самопорождающимся, самоподдерживающимся и саморазвивающимся объектам, которые мы относим к классу субстанциальных. Такими субстанциальными объектами являются, к примеру, тараканы, которые, питаясь, размножаясь, обеспечивая безопасность, осуществляют собственные цели (хотя и не могут свободно избирать их, следуя предзаданной генетической программе). Поэтому вопрос «Зачем нужны тараканы?» — в норме есть вопрос бессмысленный. Даже включенность таракана в стихийно сложившиеся пищевые цепи, попросту говоря, тот факт, что он нужен кому-то как объект питания, не делает этот вопрос осмысленным в том случае, если только мы не придерживаемся идей креационизма, убежденного в том, что все существующее создано Господом Богом для осуществления известных ему целей.

Во избежание путаницы важно сказать, что качественная специфика субстанциальных объектов — их самоцельность — не отменяется ситуациями *вынужденного функционирования*, когда живой объект используется для достижения внешних, не собственных целей. Вспомним хотя бы таракана Янычара из булгаковского «Бега», который внешней волей был превращен в подобие призового рысака (та самая не-

нормальная для таракана ситуация, в которой вопрос «Зачем он нужен?» обретает некий смысл).

Увы, смешное в случае с тараканом превращается в не смешное в случае с человеком. Люди, конечно же, относятся к субстанциальным явлениям, у которых самоцельность существования обретает высшую форму *субъектности*, связанную не просто с наличием собственных целей, а со способностью свободно избирать их (*целеполагание* как следствие свободной воли). Такая способность не отменяется тем грустным обстоятельством, что живые люди вынуждены функционировать, следуя внешним, несобственным целям (наглядным примером подобной ситуации является принудительный призыв в армию). В самых тяжелых случаях такое функционирование ведет к отчуждению человеческой сущности, которое К. Маркс считал худшей из всех форм отчуждения (когда человек, вынужденный работать из-под палки, ненавидит собственное предназначение – свободный труд). И все же никакое функционирование не лишает людей способности к самоцельному существованию – за исключением случаев, когда внешнее принуждение лишает человека свободы воли, т.е. приводит к утрате субъектности.

Итак, рассмотрев специфику субстанциальных систем, я утверждаю, что социальная реальность относится к их числу и требует особой методики изучения. Важнейшей частью этой методики является определение субстанции социального – того самого саморазвивающегося качества, которое: 1) порождает в процессе своего саморазвития все многообразие социальных явлений и выступает как «общий знаменатель» этого многообразия; 2) определяет внешние границы социальной реальности, позволяет осуществить ее внешнюю демаркацию.

Деятельность как субстанция социального: постановка проблемы

Искомой субстанцией социального я признаю *деятельность* как особый тип самоцельного существования в среде, *образ жизни*, присущий представителям *Homo sapiens* (см. прим. 1).

Этот тезис можно будет считать доказанным, если удастся доказать две фундаментальные его посылки.

Посылка первая. Деятельность будет признана субстанцией социального в том случае, если именно она определяет качественные границы мира людей, позволяя отличить его от внешних реальностей в виде неживой и живой природы. Именно деятельность должна выступать в роли той волшебной палочки, которая «социализирует» любые объекты и процессы (в том числе и природного происхождения), вовлекая их в систему неприродных и надприродных связей, налагая на них специфически социальные функции. Нужно лишь заметить во избежание путаницы, что часть социального мира следует считать лишь те предметы, которые освоены *практической* деятельностью людей. У нас нет оснований, к примеру, считать общественным явлением комету Галлея, пока она остается для людей лишь объектом наблюдения, т.е. духовно-познавательной, а не практической деятельности.

Посылка вторая. Деятельность должна быть признана субстанцией социального в том случае, если будет доказано, что именно она является единственным источником и основанием внутренней организации социальной реальности. Известно, что эта реальность распадается на множество разноуровневых структурных образований – от подсистем до элементов – каждый из которых обладает собственными механизмами

самовоспроизводства и развития, неисчислимым множеством свойств и состояний, присущих как социуму в целом, так и отдельным его составляющим. Разобраться во всем этом многообразии мы сможем лишь в том случае, если сумеем свести его к некоторому общему знаменателю, тому субстанциальному основанию, саморазвитие которого порождает диверсификацию исходного качества.

Именно такие возможности открывает перед нами правильное понимание категории «субстанция социального», как определяющей не только внешние границы мира людей, но и законы внутренней организации этого мира. Исходя из того, что социальная реальность есть не что иное, как процесс совместной деятельности людей, мы будем утверждать, что все существующее в социуме представляет собой то или иное проявление деятельности — ее часть, свойство или состояние.

Если это утверждение будет доказано, мы получим возможность определять любую и каждую категорию общественности через понятие деятельности. В самом деле, что бы ни изучали социальные науки, они изучают одну и ту же субстанцию, которая последовательно поворачивается к исследователям различными гранями: то раскрывает свою структурную организацию и присущие каждому из ее уровней интегративные и динамические опосредования, то предстает в богатстве своих атрибутивных характеристик, то демонстрируя свои видовые определения.

Говоря конкретнее, любая из категорий каждой из общественных наук фиксирует или *субъектные* характеристики деятельности, дающие ответ на вопрос «кто действует»; или ее *объектные* характеристики, раскрывающие предметный инструментальный деятельности («чем действует»); или ее *организационные* характеристики, фиксирующие субъект-субъектные, субъект-объектные и объект-объектные взаимозависимости деятельности (прежде всего, общественные отношения); или ее *культурологические* характеристики, отвечающие на вопрос «как именно действуют» люди; или ее *таксономические* характеристики, раскрывающие все многообразие типов и видов деятельности.

К примеру, лекция, читаемая в аудитории, предстанет перед нами как особый *вид* педагогической деятельности, принадлежащий ее особому *типу* — социальной деятельности по производству значимых субъектных свойств (в данном случае знаний). Преподаватель и студенты выступают как *субъекты* этой деятельности; трибуна, парты, студенческие тетради, авторучки и даже слова, звучащие в аудитории, предстанут в качестве функционально различных *объектов* (предметов) деятельности (вещей и знаков). Взаимозависимость, существующая между преподавателем и студентами, окажется особым видом статусно-ролевых *общественных отношений*, представляющих собой (наряду с субъектами и объектами) организационный элемент деятельности. Факультет, к которому принадлежат и преподаватель, и студенты, предстает собой вид социального института, выступающего как *организационная форма* осуществления педагогической деятельности. Качество читаемой лекции мы будем рассматривать как атрибутивную характеристику (свойство) деятельности и т.д.

Короче, в аудитории (а также в университете, в стране, и во всем пространстве социального) не окажется ни одного явления, которое не было бы формообразованием деятельности, ее порождением или проявлением, определяемыми через соотнесение с нею.

Конечно, не все ученые согласны признавать именно деятельность субстанцией социального. Существуют точки зрения, согласно которым деятельность не мо-

жет быть субстанцией, так как она производна от осуществляющих ее *субъектов* или является следствием *организационных связей* между людьми (эта популярная в советской философии точка зрения была сформулирована в работах В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона, отстаивавших примат общественных отношений перед деятельностью людей). Как бы то ни было, доказательством правильно (или неправильно) найденного субстанциального начала может быть вся теория, развиваемая ученым, ее способность выдержать тест на логичность и последовательность используемых процедур рассмотрения социума.

В любом случае, правильная (точная, адекватная) фиксация субстанции социального чрезвычайно важна для научного познания. Конечно, это не означает, что наука *начинает* свои исследования с поиска субстанциального основания своего предмета. Ранее я пытался доказать (см. прим. 2), что такой поиск становится актуальным в ситуации, когда наука уже накопила известные знания, которые должны быть систематизированы в целях дальнейшего углубления. Кроме того, субстанциальный подход является необходимым методом *рефлексивного изложения* полученных знаний, единственным способом сделать это изложение последовательным, избегающим повторов или необоснованных забеганий вперед.

Учитывая все сказанное, мы можем считать предметом социальной философии *системный анализ социальной реальности, рассмотренной в единстве ее сущности и существования*. Эта формулировка позволяет самым кратким образом, используя минимум слов, обозначить предметную задачу многоуровневой и многоаспектной теории, каковой является социальная философия, реализующая субстанциальный (для меня – субстанциально-деятельностный) подход к анализу социума, общества и истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. М.; Л., 1929.
2. Момдзян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997.
3. Момдзян К.Х. Социум. Общество. История. М., 1994.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Примечания

1. Из всех существ, способных действовать, т.е. производить вещественно-энергетические изменения в мире, лишь человек способен к *деятельности*, основанной на абстрактно-логическом мышлении, орудийном отношении к среде и солидаристском типе коллективности. Поэтому любые рассуждения о «вулканической деятельности» или «рефлекторной деятельности насекомых» исходят из некатегориальной трактовки деятельности, неправомерно расширяющей это понятие. Я думаю, мы можем просить и даже требовать, чтобы физики не называли деятельностью спонтанные преобразования вещества и энергии, а биологи не именовали этим термином целесообразную рефлекторную активность животных. И физическая, и биологическая наука ничего не потеряют от того, что перестанут использовать чужой, ненужный им термин вместо собственных вполне достаточных, не оставляющих никакого концептуального вакуума, понятий.

2. См., в частности, работу: «Категории исторического материализма: системность, развитие». М., 1986. Нельзя не видеть, что реальное развитие науки, подчиняясь в целом законам восхождения от абстрактного к конкретному, от первоначальных «тощих» абстракций ко все более полному концептуальному отображению объекта, может отклоняться от «чистой» логики восхождения, характеризоваться логическими отступлениями или, напротив, внезапными скачками вперед, основанными на научной интуиции. Реальная наука – в отличие от грамотного ее преподавания – развивается по «спирали», постоянно возвращаясь к одним и тем же тезисам, которые, сохраняя свое объективное место в системе категориальных связей, в то же время меняют форму концептуального существования, превращаясь из гипотез в доказанные постулаты.